

Наталия ЧЕРНЫХ

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ ОДНОЙ КНИГИ

Артем Пудов. По лирическому счету. Проза на грани стиха 2016–2020 годов / Предисловие Данилы Давыдова. – М.: Стеклограф, 2020. – 40 с.

...поднимаешь глаза к небу в намереньи увидеть пулю, а там – птица...
Песня просвещенного отчаянья

Есть в искусстве фигуры тихого и многогранного масштаба, который становится ясен только со временем, и то – не факт, что ясен вполне. О таких людях говорят – примерно как Георгий Иванов об Иннокентии Анненском: «То, что Анненский нежно любил». Метафора моя вполне обоснована: у Артема Пудова отличный античный багаж, а масштаб (мастаба, скамья-надгробие) ведет к Горациеву «Памятнику». Номер этого произведения Горация и контекст, где оно размещено автором (Горацием) сейчас мало кто знает. Но у Артема Пудова уникальная интуиция в культуре, так что думаю, он представляет, где именно и как именно возник тот самый Горациев памятник. Есть вещи поважнее философии (а это уже Шекспир). Однако у автора достаточно самокритики и юмора. Мне просто хочется, чтобы эту книгу читали и любили.

Однако Данила Давыдов в изящно-контрастном, холодноватом (как и полагается к лирической книге) предисловии сыплет терминами и именами. Такая пестрота была бы хороша лет пятнадцать назад, а сейчас она выглядит немного смешно и неловко, – но, тем не менее, предисловие нужно было именно такое, с этими терминами, раритетным Фердинандом де Соссюром, извечным в предисловиях к современной литературе Дерридой и прочим аутентичным инструментарием.

Тексты в книге «По лирическому счету» ярко и осторожно выверенные, что не мешает им быть порой внезапными и парадоксально запоминающимися, не только из-за обилия внутренних рифм. Они напоминают запотевшие и чуть покрытые морозными узорами окна. Впрочем, «Два зимних узора» тут же присутствуют. Таким текстам уютно в обрамлении предисловия Данилы Давыдова: вот контекст, вот росчерки куража: это *«вылазки в тотальную знаковую реальность, фрагменты визионерских отчетов о внутренних путешествиях. В отличие от вышеупомянутых “заметок на полях”, никак не могущих быть сведенными как критическому дискурсу наблюдателя, понимаемого как “высшая” по отношению к знаковой реальности инстанция. Не могущей хотя бы потому, что сами знаки здесь образуют не парадигматическое целое, но поток дхарм, и наблюдатель, погружаясь в него, сам становится (неразличимой) частью потока».*

Книга любовной речи – так можно было бы определить «По лирическому счету», но любовь здесь – нечто слишком крупное, и читатель видит все вещи, о которых говорит автор, лишь на фоне любви. Здесь монолог переходит в диалог, диалог взрывается полилогом, – а потом оказывается, что автор шел задумчиво и говорил себе под нос, имея в виду любимый предмет (конечно, это Она).

«Но прилив интуиции краток, в лучах мерцающей надежды, ведь чаще все равно идешь один – суровая инстанция, зато с контрольными акциями. Замереть в ослепительной нервозности, неровности, не исчерпанности бытия, и несколько слов слетают с языка: «Правда. Мысль. Стыд» («Триединство»).

Сжатые, ювелирные тексты, где фрагменты целого – равно грани («Три миниатюры», «Две четкие линии») – привлекают и интригуют читателя одновременно доверчивой теплотой и отстраненностью. Найти баланс температур в речи собеседников, баланс дистанций между тропами и между персонажами, услышать свою собственную

письменную лирическую речь (именно так!) – нужно обладать очень опытным ухом. Переводчик Артем Пудов, как мне видится, оказал здесь бесценную помощь автору Артему Пудову. Я не очень люблю расщеплять нечто целое на субстанции (или на субличности, как до сих пор принято), но автор книги «По лирическому счету» невероятно разнообразен, и тем интересен.

«Полюбишь колдунью – не спишь сто дней, пока от мути не падаешь на пол. Разлюбишь святую – пойдёшь с вещами на поезд, к лагерному быту и дракам за кусок» («Три поклона времени»).

Церковнославянский здесь органично вплетается в сомнамбулическое бормотание речи едва ли не одинокого деревенского знахаря (факт, что автор – горожанин, его внутренней архаике не мешает), выпренность блестящего барокко (известного по бессмертным переводам Павла Грушко) не противоречит болтовне дворового собутыльника, каверзы речи просвещенного маркиза обнаруживаются в офисных разнарядках. И надо всем парит легкий, изящный певец неистребимого уже в современном человеке средневековья. Хотите узнать все про трубадуров, труверов и миннезингеров – читайте эту книгу. Уверяю вас, пока читала, в голове уже сложились зарисовки к анимационному фильму в духе советского «Верескового меда».

«Мне, как рыцарю когда-то, хотелось бросить щит и меч, а не шляпу и пиджак на грешную, жестокую, правдивую землю» («Композиция на прощание»).

«Было всего важнее на свете когда-то играть в пажу» («Две речи»).

Я согласна с легким и точным Чанцевым, что *«Известен простой путь бегства от излишних пафоса и лиричности – вести повествование не от первого лица, а делегировать его третьему. Есть и третий закон термодинамики текста – записать стихи прозой. Тут так. И хорошо, замечу, что так. Примерно задав точку отсчета, по гамбургскому счету о “По лирическому счету”. Здесь все то ювенально лирично (одинокий или не очень герой со своей любовью), то сухо и стойко»¹.*

Автор жаждет перемены и уверен, что не будет катастрофы. Но уютное незавершение, это обывательское «все хорошо» (впрочем, почему обыватель – это плохо?) выталкивает его прочь, как соленая вода лимана. Поверхность, по которой скользит речь «По лирическому счету» – это все то, что кроме быта и Ее, ради которой и огород, и рождение, и быт, в конце концов. Она – объект и свидетель того мира, по которому скользит речь автора. А свидетелей нужно щадить: они, как правило, страдают и часто погибают.

«Щадить тебя – основной и незыблемый принцип» («В сантиметре от лирики: три миниатюры»).

Некогда звезда петербургского подполья (оно же – ленинградская неофициальная культура) режиссер Борис Понизовский сказал о Елене Шварц нечто универсальное и оптимальное, создал линзу, сквозь которую видно больше, чем при первом взгляде на стихи. Высказывание Понизовского довольно резкое, а предоставила его замечательная поэтесса Ольга Мартынова: *«...посмотрите, как Елена Шварц обращается с... материалом. В ее стихах культура расположилась, как посуда на кухне, как белье в*

---

¹ Александр Чанцев. Письмо не поиска, но отказа // Знамя. 2021. №5. <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/5/pismo-ne-poiska-no-otkaza.html>).

тазике. Это ее быт, она с этим, она в этом живет – и не церемонится! Она блюет культурой, она потеет ею. И это единственно правильное отношение. Слишком большой пиетет перед культурой вреден поэту»².

К Артему Пудову так же применимо это «потеет культурой». Вплоть до игривой буквы «ё» (с которой лично я рассталась давно, но которая есть в клавиатуре и в русском языке). Пока скудные читатели перечисляют: тут Соснора (кстати, ему в книге «По лирическому счету» – внимание приоритетное), там – Чухонцев, там – Гандельсман, – автор ловко щелкает по носу то серьезное стихотворение, то известную песенку, а то самоценную эпопею нечасто упоминаемого Ханса Хенни Янна. И ему простительно, так как он внутри процесса.

«*“Век закончился” – говорили вчера на остановке*» (Артем Пудов). – «*Скоро кончится век*» (БГ, «Контрданс»); «*Пенсионеры в трамваях говорят о звездной войне*» (БГ, «Пока не начался джаз»). И та же лирическая тема, в хрустально сохраненной тональности, но насколько своя. У БГ: «*Держи меня, будь со мной, храни меня, пока не начался джаз*». Пудов дает аранжировку (возможно, он и не задумывался об этом): «*Здесь дела, дорогая, от просторной сумы до незримой войны, и не знаешь, лучше в полон иллюзиям иль с творческой квотой. Здесь чудь и стынь без тебя, дорогая, а с тобой – бесед крохи, надежд гроши...*».

«*Расхищен Бах по подъездам и переулкам: звучат органные фуги, а я сжимаюсь в кулак*», – и моментально на экранах внутренних глаз появляется соответствующий фрагмент «Четвертой прозы» Мандельштама с гиперссылками на стихотворения («*Отравлен хлеб и воздух выпит...*»).

Примеров подобных переключек (а мне как читателю они интереснее всего) можно привести множество, и в данном жанре они намного интереснее, чем рисунок развития чужой темы (скажем, Гандельсмана), ибо именно в этих искрах и молниях видно настоящее искусство трубадура.

В заключение хотела бы сказать об **очаровании жанра**. Термина этого нет, и он (как мне видится) в принципе невозможен. Это термин нужно «верифицировать», как скажет один из местных наших критиков. Но явление есть, и его точно можно назвать очарованием жанра.

Чанцев и здесь предупредил меня, но мне только приятно будет привести здесь сравнительно крупный и яркий пассаж: «*Жанр коротких заметок, стихопрозы (мне не очень нравится этот гибрид, но пусть так) – не нов. Но отсылает к таким тихим, редким (чтобы избежать синонимов – изысканным и элитарным) авторам, что – нов. Так писали французские афористы, Ницше, Чоран, Юнгер, Пессоа. У нас писали – Владимир Казаков, Владимир Бибахин, Василий Кондратьев, еще недавно писали – Дмитрий Бавильский, Александр Иличевский, сейчас пишут – Борис Останин, Александр Ильянен, Ольга Балла, Михаил Бараиш или Алексей Чипига. О генезисе, функционировании, инвариантности этого жанра можно говорить долго, найти что-то общее – или ничего. Главное, что мы имеем дело с миниатюрными законченными высказываниями, максимально семантически нагруженными, при этом – из-за суггестии чаще всего – подчас логически раскалиброванными. Не совсем так: логика этих высказываний столь плотна при минимальном объеме, что смысл функционирует в них иначе. Как говорил Сент-Экзюпери: “Совершенство достигнуто не тогда, когда нечего добавить, а тогда, когда нечего убрать”*».

Книга «По лирическому счету» – поэтическая? Несомненно, и это чистая поэзия. Но ее поэтичность другого свойства, чем, например, томиков, выходящих в издательстве «Время». В то же время представить книгу Артема Пудова, вышедшую в библиотеке издательства «Воздух», мне так же трудно.

---

² Цит. по: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-1/swartz/view_print/

Это проза? Несомненно, и это даже великолепная эссеистика, и в список, предложенный Чанцевым, я бы добавила и миниатюры Евгения Головина, которые можно найти на мемориальном сайте этого переводчика, философа и поэта. Но эта эссеистика отличается от той, что можно найти в книжных магазинах.

Жанр книги «По лирическому счету» нельзя определить точно, однако он вняттен читателю. Он пленяет краткостью, текучестью и особенной доверчивой теплотой, которой в современных текстах, волей или неволей ориентированных на социальные сети, невероятно мало.

Приведу сноску, сделанную Чанцевым, которая мне кажется и в его рецензии, и здесь очень уместной: *“Впрочем, не забудем и о правиле, сформулированном Бодлером по поводу Коро: «Завершенное произведение не обязательно тщательно отделано, а тщательно отделанное произведение не обязательно завершено”*».

Верифицировать красоту невозможно.

«Пусть же мелочность – но не концовка, и ладно ж горечь, но и она никак не зря» («Песня просвещенного отчаянья»).